

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Департамент частного права

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки/специальности)

Гражданско-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему Принцип добросовестности в российском гражданском праве: теоретические и практические аспекты

Обучающийся

Е.В. Щеголева

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент О.С. Лапшина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена важностью принципа добросовестности как ключевого элемента гражданского права Российской Федерации. В условиях быстро развивающихся экономических отношений и все более сложных гражданских сделок особое внимание необходимо уделять соблюдению добросовестности всеми участниками гражданского оборота. Современные вызовы, такие как развитие рыночной экономики, усложнение договорных форм и появление новых видов экономического взаимодействия, способствуют увеличению вероятности недобросовестных действий. В этих условиях эффективное функционирование правовых механизмов, направленных на обеспечение добросовестности, становится особенно актуальным. Принцип добросовестности, закрепленный в статье 1 Гражданского кодекса РФ, играет решающую роль в поддержании баланса интересов сторон и защите их прав от недобросовестных практик.

Цель исследования заключается в комплексном теоретико-правовом анализе принципа добросовестности в российском частном праве, выявлении особенностей его реализации и проблем правоприменительной практики.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе реализации принципа добросовестности в российском гражданском праве.

Предметом исследования являются нормы гражданского права, регулирующие принцип добросовестности.

Бакалаврская работа включает введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретико-правовые основы принципа добросовестности в гражданском праве	7
1.1 Понятие и сущность принципа добросовестности в гражданском праве.....	7
1.2 Правовое регулирование принципа добросовестности в российском законодательстве	14
Глава 2 Реализация принципа добросовестности в отдельных институтах гражданского права.....	22
2.1 Принцип добросовестности в договорных правоотношениях	22
2.2 Принцип добросовестности в вещных правоотношениях	28
Глава 3 Проблемы применения принципа добросовестности в судебной практике.....	36
Заключение	46
Список используемой литературы и используемых источников	50

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена исключительной значимостью принципа добросовестности как одного из основополагающих начал гражданского права Российской Федерации. В условиях быстро развивающихся экономических процессов, а также усложняющихся гражданских правоотношений и договорных конструкций, обеспечение добросовестности участников гражданского оборота становится необходимым условием эффективного функционирования правовой системы. В современных реалиях рыночной экономики, с её разнообразием сделок и форм взаимодействия, возрастает вероятность возникновения ситуаций, где участники могут прибегать к недобросовестному поведению, что подрывает доверие в гражданском обороте и приводит к правовым конфликтам. В этих условиях особенно важна эффективная реализация и применение принципа добросовестности как средства предотвращения злоупотреблений и обеспечения справедливости.

Необходимость теоретического осмысления принципа добросовестности становится еще более очевидной на фоне существующих пробелов в цивилистической доктрине, где отсутствует единое и однозначное понимание содержания данного принципа, его взаимодействия с другими правовыми категориями и критериев оценки добросовестности. Отсутствие четких ориентиров в правоприменительной практике, что проявляется в разрозненности решений судебных органов относительно границ добросовестного поведения, делает крайне актуальной задачу разработки конкретных и универсальных критериев для его оценки.

Принцип добросовестности, закрепленный в статье 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, служит одним из важнейших правовых механизмов, направленных на балансировку интересов сторон и защиту их прав от недобросовестных практик. Важно подчеркнуть, что данный принцип не только является фундаментом для соблюдения справедливости в

гражданских правоотношениях, но и представляет собой важный инструмент для разрешения правовых конфликтов и преодоления неопределенности, возникающей в условиях сложных экономических взаимодействий.

Цель исследования заключается в комплексном теоретико-правовом анализе принципа добросовестности в российском частном праве, выявлении особенностей его реализации и проблем правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- исследовать понятие и сущность принципа добросовестности в гражданском праве;
- проанализировать правовое регулирование принципа добросовестности в российском законодательстве;
- изучить особенности реализации принципа добросовестности в договорных правоотношениях;
- исследовать специфику применения принципа добросовестности в вещных правоотношениях;
- выявить проблемы применения принципа добросовестности в судебной практике и предложить пути их решения.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе реализации принципа добросовестности в российском гражданском праве.

Предметом исследования являются нормы гражданского права, регулирующие принцип добросовестности.

Теоретическую основу исследования составляют труды ведущих российских цивилистов. В работе использованы научные труды таких ученых, как А.В. Абросимов, Е.Г. Комиссарова, О.А. Кузнецова, Ф.Р. Закабуня, Ю.О. Плехова, М.А. Шонгин, Ю.А. Ножина, Г.С. Захарова и других.

Нормативно-правовую основу исследования составляют Гражданский кодекс Российской Федерации, иные нормативно-правовые акты.

Эмпирическую основу составили материалы судебной практики Верховного Суда РФ Российской Федерации, арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

Методологическая основа исследования включает комплекс методов, обеспечивающих всестороннее изучение принципа добросовестности в российском гражданском праве. Применяется анализ для выявления содержания и функций принципа, синтез для объединения теоретических и практических аспектов, а также формально-юридический метод для анализа нормативных актов, регулирующих добросовестность. Сравнительно-правовой метод помогает изучить аналогичные принципы в других правовых системах, а эмпирический метод основан на судебной практике для выявления реальных проблем в применении принципа. Догматический метод позволяет интерпретировать нормы права и оценить их влияние на правоприменительную практику. Все методы используются в комплексе для глубокого и всестороннего анализа исследуемой темы.

Бакалаврская работа включает введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретико-правовые основы принципа добросовестности в гражданском праве

1.1 Понятие и сущность принципа добросовестности в гражданском праве

Принцип добросовестности занимает одно из центральных мест в теоретическом и практическом анализе гражданского права, являясь важнейшим элементом правового регулирования отношений участников гражданского оборота. В современной цивилистической доктрине исследуется его роль как основополагающего начала, необходимого для обеспечения справедливости и правопорядка в гражданских правоотношениях. Этот принцип связан с обеспечением добросовестного поведения участников гражданского оборота, что особенно актуально в условиях развивающихся рыночных экономических отношений и усложняющихся договорных конструкций. Необходимость определения содержания и критериев добросовестности в юридической практике обусловлена возрастанием рисков недобросовестного поведения, что подрывает доверие в правовых отношениях и приводит к правовым конфликтам.

С точки зрения Ф.Р. Закабуни, принцип добросовестности является фундаментальной основой современного гражданского оборота, получившей законодательное закрепление в Гражданском кодексе РФ в 2013 году. Автор подчеркивает особую значимость этого принципа, отмечая его тесную связь с морально-нравственными нормами.

Особого внимания заслуживает позиция автора относительно теоретического разграничения смежных правовых категорий. Важным аспектом исследования Ф.Р. Закабуни является разграничение правового принципа добросовестности и презумпции добросовестности. Как отмечает автор, «презумпции не являются правовыми нормами хотя бы уже потому, что априори нарушены они быть не могут» [10, с. 110]. Данное разграничение

обосновывается различием их правовой природы и функционального назначения.

Углубляя анализ природы добросовестности, автор обращается к её существенным характеристикам. Существенное внимание в работе уделяется дуалистическому пониманию добросовестности. По мнению Ф.Р. Закабуни, добросовестность следует рассматривать в объективном аспекте как критерий оценки поведения участника правоотношений, и в субъективном - как осведомленность лица о фактических обстоятельствах или правах иных лиц.

Переходя к практическим аспектам реализации принципа добросовестности, исследователь формулирует важный тезис. Принципиальная позиция автора заключается в отсутствии необходимости легального закрепления дефиниции «добросовестность». Как подчеркивает Ф.Р. Закабуня, «острая необходимость в легальном закреплении понятия, содержания и критериев принципа добросовестности участников гражданского оборота в настоящее время объективно отсутствует» [10, с. 110].

По нашему мнению, позиция Ф.Р. Закабуни относительно нецелесообразности законодательного закрепления дефиниции добросовестности заслуживает поддержки, поскольку излишняя формализация данного принципа может необоснованно ограничить сферу его применения. Вместе с тем, представляется, что дальнейшая конкретизация критериев добросовестности в актах высших судебных инстанций способствовала бы формированию более единообразной правоприменительной практики.

Развивая теоретические представления о принципе добросовестности, следует обратиться к позиции других исследователей данной проблематики.

С точки зрения Ю.О. Плеховой и М.А. Шонгина, принцип добросовестности является одним из фундаментальных начал гражданского права, закрепленный в пунктах 3-4 статьи 1 Гражданского кодекса РФ. Значимость данного принципа обусловлена его непосредственной связью с

конституционными принципами, причем добросовестность участников гражданских правоотношений презюмируется.

В развитие своей позиции авторы обращают внимание на то, «что Гражданский кодекс РФ, устанавливая принцип добросовестности, не раскрывает его содержания» [23, с. 66]. Как отмечают Ю.О. Плехова и М.А. Шонгин, «под добросовестностью понимается поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающее права и законные интересы другой стороны, содействующее ей, в том числе в получении необходимой информации» [23, с. 66].

Принципиальным в исследовании является подход авторов к рассмотрению субъективного и объективного аспектов добросовестности. В субъективном смысле добросовестность понимается как «извинительное незнание лица» [23, с. 66], что особенно ярко проявляется в институте добросовестного приобретателя, в то время как объективная добросовестность связана с оценкой поведения участника гражданских правоотношений.

Значительное внимание Ю.О. Плехова и М.А. Шонгин уделяют практическим аспектам реализации принципа добросовестности, особенно в сфере экономической деятельности. Авторы подчеркивают, что нарушение данного принципа может повлечь не только гражданско-правовую, но и административную ответственность.

Заслуживает внимания вывод авторов о том, что в современных условиях отсутствует необходимость легального закрепления детального определения добросовестности, поскольку это может неоправданно ограничить сферу применения данного принципа. По мнению исследователей, «именно этот принцип позволяет защитить права и интересы добросовестных участников гражданских правоотношений при невозможности применения иных норм материального права» [23, с. 66].

По нашему мнению, позиция авторов относительно нецелесообразности законодательного закрепления исчерпывающего определения добросовестности является обоснованной и заслуживает поддержки.

Действительно, оценочный характер данной категории позволяет судам более гибко подходить к разрешению конкретных споров с учетом всех обстоятельств дела и особенностей участников правоотношений. При этом разъяснения высших судебных инстанций создают достаточные ориентиры для формирования единообразной правоприменительной практики.

Д.М. Сидоровича также выделяет два аспекта принципа добросовестности: субъективный и объективный. Субъективная добросовестность связана с внутренними намерениями сторон, тогда как объективная добросовестность оценивает поведение с точки зрения общепринятых норм. Д.М. Сидорович подчеркивает важность добросовестности как инструмента обеспечения справедливости и защиты интересов сторон в гражданских правоотношениях, отмечая, что проблемы, возникающие в теории и практике применения этого принципа, такие как отсутствие четких критериев и сложности в соотношении с другими юридическими принципами, требуют дальнейшего изучения. Как утверждает автор, «добросовестность в объективном смысле предполагает, что поведение лица оценивается не только по его внутренним убеждениям и мотивации, но и с учетом того, насколько его действия соответствуют разумным и общепринятым стандартам поведения в обществе» [27, с. 242].

Также и исследователи С.-У. С.-А. Возкаев, М.А. Абдулкадырова подчеркивают важность синтеза субъективного и объективного подходов в трактовке добросовестности, при этом добросовестность в объективном смысле предполагает, что поведение участника гражданских правоотношений оценивается с учетом общепринятых правовых стандартов, а не только на основе его внутренних убеждений [5, с. 102].

Согласно исследованию Н.В. Сидорука и Е.В. Рышковой, принцип добросовестности занимает центральное место в системе принципов российского гражданского права. Авторы акцентируют внимание на том, что для полноценной реализации любого принципа гражданского права невозможно обойтись без учета требований добросовестности. Важнейшим

аспектом является то, что добросовестность не является изолированным правовым принципом, а тесно взаимодействует с другими элементами системы, такими как равенство участников гражданских правоотношений, неприкосновенность собственности и свобода договора. Н.В. Сидорук и Е.В. Рышкова утверждают, что реализация принципа добросовестности непосредственно влияет на правовое положение субъектов, регулируя их поведение в процессе осуществления гражданских прав и защите интересов других участников.

Позиция исследователей заключается в том, что добросовестность служит основой для соблюдения других принципов, таких как правовая защита и равенство сторон, тем самым обеспечивая правовую гармонию и стабильность в гражданских правоотношениях [28, с. 75].

В продолжение научной дискуссии о природе добросовестности представляет интерес метатеоретический подход к данному вопросу. С точки зрения Е.Г. Комиссаровой и О.А. Кузнецовой, добросовестность представляет собой многоаспектное правовое явление, которое интегрировано в саму материю права и характеризует его цель, ценность и назначение. По мнению авторов, категория добросовестности требует метатеоретического осмысления, поскольку традиционные отраслевые подходы не позволяют охватить все богатство её содержания.

Существенным вкладом авторов является выявление многообразия проявлений добросовестности в гражданском праве. Как отмечают Е.Г. Комиссарова и О.А. Кузнецова, добросовестность одновременно выступает как правовой принцип, этический принцип, норма-принцип, принцип-идея, инструмент толкования, обязывающая правовая норма и способ преодоления пробела в праве.

Особое внимание Е.Г. Комиссарова и О.А. Кузнецова уделяют соотношению принципа добросовестности с правовыми аксиомами. Как подчеркивают авторы, «универсальное, общечеловеческое признание могут получать различные по своей природе правовые явления: принципы,

презумпции, институты, нормы, многие из которых несут в себе нравственный, гуманистический заряд» [13, с. 90].

Значимым является вывод авторов о том, что требования добросовестности не нуждаются в толковании и не могут быть поставлены под сомнение правоприменителями. По их мнению, «это общепризнанные истины, понятные и доступные всем» [13, с. 90], что подтверждается практикой прямого применения данных требований судами без дополнительного разъяснения.

По нашему мнению, подход авторов к пониманию добросовестности как правовой аксиомы заслуживает поддержки, поскольку позволяет наиболее полно охватить многообразие проявлений данного феномена в гражданском праве. Вместе с тем представляется, что аксиоматический характер добросовестности не исключает необходимости дальнейшей конкретизации критериев её оценки в правоприменительной практике, что способствовало бы более эффективной защите прав участников гражданских правоотношений.

В контексте современного развития цифровых технологий и формирования электронного документооборота принцип добросовестности приобретает новые измерения и особенности применения. Цифровизация гражданских правоотношений порождает специфические риски недобросовестного поведения, связанные с использованием информационных технологий, электронных платформ и автоматизированных систем принятия решений. В условиях дистанционного взаимодействия участников гражданского оборота возрастает значимость объективных критериев оценки добросовестности, поскольку субъективные намерения сторон становятся менее очевидными. Особую актуальность приобретает проблема определения добросовестности в алгоритмических процессах, где действия участников могут быть опосредованы программными решениями, что требует переосмысления традиционных подходов к пониманию субъективного элемента добросовестности.

Принцип добросовестности в современной правоприменительной практике все чаще рассматривается через призму экономической эффективности и социальной справедливости гражданских правоотношений. Судебная практика демонстрирует тенденцию к более активному использованию принципа добросовестности как инструмента преодоления формалистического подхода к толкованию правовых норм, что особенно проявляется в делах, связанных с защитой прав слабой стороны договора. Возрастающая роль принципа добросовестности в качестве корректива договорной свободы свидетельствует о формировании новой парадигмы гражданско-правового регулирования, основанной на балансе частных интересов и публичных ценностей. Данная тенденция находит отражение в расширительном толковании судами содержания обязанности действовать добросовестно, включающей не только воздержание от причинения вреда, но и активные действия по предотвращению неблагоприятных последствий для контрагента.

Особое значение в доктринальном осмыслении принципа добросовестности приобретает его соотношение с принципом пропорциональности и требованием соразмерности правовых последствий. Современная цивилистическая наука все чаще обращается к анализу добросовестности как критерия оценки соразмерности применяемых правовых средств защиты нарушенных прав и законных интересов. Принцип добросовестности в данном контексте выступает не только как требование к поведению участников правоотношений, но и как ограничитель дискреционных полномочий правоприменителя при выборе способов правовой защиты. Интеграция принципа добросовестности в механизм судебного усмотрения способствует формированию более справедливых и обоснованных судебных решений, учитывающих конкретные обстоятельства дела и баланс интересов сторон.

Таким образом, проведенное исследование различных научных подходов к пониманию принципа добросовестности в гражданском праве

позволяет сделать вывод о многогранности данного правового феномена. Принцип добросовестности, получивший законодательное закрепление в Гражданском кодексе РФ, выступает одновременно как основополагающее начало гражданского права, как морально-нравственный императив поведения участников гражданских правоотношений, как критерий оценки их действий, как правовая аксиома и как инструмент преодоления пробелов в праве. При этом в доктрине обоснованно отмечается нецелесообразность законодательного закрепления исчерпывающего определения добросовестности, поскольку это может неоправданно ограничить сферу применения данного принципа.

Дальнейшее развитие теоретических представлений о принципе добросовестности должно осуществляться в тесной взаимосвязи с анализом правоприменительной практики. Особое значение приобретает формирование единообразных подходов к оценке добросовестности поведения участников гражданских правоотношений в конкретных ситуациях через разъяснения высших судебных инстанций, что позволит обеспечить баланс между необходимой степенью определенности правового регулирования и гибкостью в применении данного принципа к разнообразным ситуациям гражданского оборота.

1.2 Правовое регулирование принципа добросовестности в российском законодательстве

Принцип добросовестности представляет собой многогранное правовое явление, имеющее глубокие исторические корни и фундаментальное значение для развития гражданского оборота. В российской правовой системе данный принцип прошел длительный путь эволюции, получив окончательное законодательное закрепление в качестве основополагающего начала гражданского законодательства. Комплексное исследование правового регулирования принципа добросовестности позволяет раскрыть его

содержание через призму законодательных положений, судебной практики и доктринальных подходов.

В современном российском гражданском законодательстве принцип добросовестности закреплен в качестве одного из основополагающих начал. Согласно положениям ГК РФ, «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно» [6]. Более того, законодатель прямо устанавливает, что «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения» [6]. Эти фундаментальные положения, закрепленные в статье 1 ГК РФ, определяют основу правового регулирования всех гражданских правоотношений.

Особое значение принцип добросовестности приобретает при регулировании договорных отношений. Так, в соответствии со статьей 434.1 ГК РФ, «при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно» [6]. Законодатель конкретизирует, что недобросовестными действиями при проведении переговоров предполагаются: «вступление в переговоры о заключении договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной» [6]. Таким образом, принцип добросовестности пронизывает все стадии договорных отношений, начиная с преддоговорного этапа.

Законодательное закрепление принципа добросовестности создало прочную основу для его практического применения, однако особую роль в развитии данного института сыграла правоприменительная практика, в первую очередь позиция Верховного Суда РФ.

Согласно позиции Верховного Суда РФ, «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права

и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации» [25].

Важнейшим аспектом правового регулирования является законодательно установленная презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений. При этом «по общему правилу пункта 5 статьи 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное» [25]. Данное положение имеет важное практическое значение, поскольку возлагает бремя доказывания недобросовестности на лицо, которое ссылается на данное обстоятельство.

Существенным элементом правового регулирования принципа добросовестности является предоставленное суду право по собственной инициативе давать оценку действиям участников гражданского оборота с точки зрения их добросовестности. В частности, «поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения» [25].

Законодатель установил четкие правовые последствия недобросовестного поведения. Как указано в Постановлении Пленума ВС РФ, «если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны» [25].

В механизме правового регулирования принципа добросовестности особое значение имеет запрет на извлечение преимуществ из своего недобросовестного поведения. В соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ, «сделанное в любой форме заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо

действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки» [25]. Данное положение направлено на обеспечение стабильности гражданского оборота и защиту интересов добросовестных участников правоотношений.

Таким образом, современное правовое регулирование принципа добросовестности в российском законодательстве представляет собой комплексный механизм, включающий материально-правовые и процессуальные нормы, направленные на обеспечение справедливого баланса интересов участников гражданского оборота и предотвращение злоупотребления правом.

Наряду с законодательным регулированием и судебной практикой, существенный вклад в развитие концепции добросовестности внесли научные исследования, среди которых особого внимания заслуживает работа Ю.А. Ножиной и Г.С. Захаровой.

В научном исследовании Ю.А. Ножиной и Г.С. Захаровой представлен глубокий анализ принципа добросовестности в российском гражданском праве. Авторы подчеркивают, что данный принцип, хотя и является сравнительно новым для отечественной правовой системы, пронизывает все гражданское право, служа призмой для проверки каждой нормы.

С точки зрения Ю.А. Ножиной и Г.С. Захаровой, формальное закрепление принципа добросовестности в российском законодательстве связано с принятием Указа Президента РФ от 18.07.2008 № 1108. Особенно значимым авторы считают расширение понятия злоупотребления правом, которое теперь включает «осуществление гражданских прав исключительно с целью причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав» [16, с. 213].

Исследователи акцентируют внимание на том, что законодатель намеренно не дал точного определения добросовестности, оставив ключевую

роль в квалификации поведения как добросовестного или недобросовестного правоприменительной практике. По мнению авторов, это решение позволяет учитывать конкретные обстоятельства каждого дела при выработке критериев добросовестности.

Ю.А. Ножина и Г.С. Захарова выделяют три аспекта: «употребления понятия добросовестности в современном гражданском законодательстве: как характеристику субъекта права, как объективную сторону поведения субъекта гражданских правоотношений, и как презумпцию гражданского права» [16, с. 213]. Особую значимость авторы придают введению в 2015 году статьи 431.1 ГК РФ, установившей преддоговорную ответственность за недобросовестное поведение.

Принципиально важным в работе является выделение объективного и субъективного аспектов добросовестности. При этом авторы отмечают, что «субъективный смысл нашел свое отражение в ряде статей ГК РФ в формуле 'знало или должно было знать' либо 'не знало или не могло знать» [16, с. 213].

По нашему мнению, позиция авторов о двойственной природе принципа добросовестности заслуживает поддержки. Действительно, добросовестность служит не только эталоном поведения, формируемым под влиянием общественных отношений, но и отражает морально-нравственные представления субъекта о честности и порядочности. Особенно ценным представляется вывод авторов о том, что принцип добросовестности выступает инструментом установления баланса интересов в гражданском обороте, что крайне важно для развития современного гражданского законодательства.

В развитие научной дискуссии о природе и значении принципа добросовестности значительный интерес представляет альтернативный подход, предложенный А.В. Абросимовым, который рассматривает добросовестность в неразрывной связи с принципом разумности.

С точки зрения А.В. Абросимова, принципы разумности и добросовестности являются фундаментальными категориями российского

гражданского права, выступая одновременно как принципы, правовые понятия и оценочные категории. Автор подчеркивает их особую роль в регулировании гражданско-правовых отношений, отмечая, что основным назначением данных правовых понятий является недопущение злоупотребления правом.

Существенным вкладом в научную дискуссию является выделенный А.В. Абросимовым тезис о том, что «право требует конкретики, а значит должны существовать некие критерии, определяющие пределы разумного и добросовестного поведения, помогающие по определенным признакам предполагать недобросовестность и неразумность» [1, с. 27].

Особое внимание автор уделяет экономической составляющей при оценке добросовестности участников гражданского оборота. А.В. Абросимов отмечает, что «критерий экономической целесообразности является одним из наиболее значимых при выявлении истинной цели сделки» [1, с. 27].

Автор развивает оригинальную мысль о том, что «сущность разумности и добросовестности заключается в том, что соответствующие качества должны проявлять и стороны правоотношений, и правоприменитель» [1, с. 27]. Это положение представляется особенно важным для понимания комплексной природы данных принципов.

Важным аспектом исследования является анализ взаимосвязи принципа добросовестности с судебной практикой. По мнению А.В. Абросимова, суды при оценке добросовестности поведения участников гражданского оборота должны учитывать совокупность факторов, включая соответствие поведения нормам и обычаям, отсутствие признаков мошенничества, соблюдение правовых норм и наличие встречного представления [2, с. 5].

По нашему мнению, подход А.В. Абросимова к анализу принципов разумности и добросовестности заслуживает поддержки, поскольку автору удалось не только систематизировать существующие теоретические положения, но и предложить практически применимые критерии оценки добросовестности участников гражданского оборота. Особенно ценным

представляется акцент на экономической составляющей и комплексном характере оценки добросовестности поведения участников гражданских правоотношений.

В статье Е.Х. Амировой Г.О. и Ворон-Ковальского рассматривается принцип добросовестности как важнейший элемент российского гражданского права. Авторы подчеркивают, что добросовестность имеет глубокие историко-правовые корни, начиная с римского частного права, где она была основана на принципах справедливости и доброй совести. В российской юридической традиции добросовестность получила дальнейшее развитие, особенно после введения изменений в Гражданский кодекс РФ в 2012 году, что значительно укрепило ее роль в гражданских правоотношениях. В статье отмечается, что принцип добросовестности помогает адаптировать законы к конкретным жизненным ситуациям и преодолевать пробелы в праве не только через аналогию закона, но и через аналогию права. Как заключают авторы, добросовестность является «благом для гражданско-правовых отношений», поскольку она служит основой для обеспечения справедливости и баланса интересов сторон [3, с. 102].

Исследуя правовую сущность принципа добросовестности в российском законодательстве, обнаруживается многослойная природа данного института, сочетающая в себе триаду взаимосвязанных элементов: нормативную базу, юридическую интерпретацию в судебной практике и теоретическое осмысление в научных кругах. Конституирование принципа добросовестности в качестве фундаментальной аксиомы гражданско-правовых отношений, усиленное исчерпывающими разъяснениями верховной судебной инстанции и фундаментальными академическими изысканиями, формирует прочный правовой фундамент, обеспечивающий охрану интересов честных участников гражданского оборота и противодействие неправомерному использованию юридических возможностей.

Особую значимость приобретает взаимосвязь объективного и субъективного аспектов добросовестности, а также ее тесная связь с

принципом разумности. При этом отсутствие законодательного определения добросовестности следует рассматривать не как пробел в праве, а как осознанное решение законодателя, позволяющее обеспечить гибкость правового регулирования и учет конкретных обстоятельств каждого дела. Такой подход, поддерживаемый как судебной практикой, так и научным сообществом, способствует эффективному развитию гражданского оборота и укреплению принципов справедливости в гражданском праве.

Представим выводы по первой главе исследования. На основе проведенного теоретико-правового анализа принципа добросовестности в гражданском праве можно сделать следующие концептуальные выводы. Принцип добросовестности представляет собой многоаспектное правовое явление, которое интегрировано в саму материю гражданского права и проявляется одновременно как основополагающее начало гражданского законодательства, морально-нравственный императив поведения участников правоотношений, критерий оценки их действий и инструмент преодоления пробелов в праве. При этом в современной цивилистической доктрине обоснованно отмечается нецелесообразность законодательного закрепления исчерпывающего определения добросовестности, поскольку оценочный характер данной категории позволяет судам более гибко подходить к разрешению конкретных споров с учетом всех обстоятельств дела.

Анализ правового регулирования принципа добросовестности в российском законодательстве свидетельствует о формировании комплексного механизма, включающего нормативное закрепление данного принципа в качестве основополагающего начала гражданского права, детальные разъяснения высшей судебной инстанции и глубокую научную проработку. Особую значимость приобретает взаимосвязь объективного и субъективного аспектов добросовестности, а также ее тесная связь с принципом разумности, что в совокупности создает надежную основу для защиты прав добросовестных участников гражданского оборота и предотвращения злоупотребления правом.

Глава 2 Реализация принципа добросовестности в отдельных институтах гражданского права

2.1 Принцип добросовестности в договорных правоотношениях

В современной юридической доктрине принцип добросовестности в договорных правоотношениях является одним из ключевых элементов гражданского права. Данный принцип отражает сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаями или судебной практикой систему представлений о нравственности поведения при приобретении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей.

Особое внимание заслуживает тот факт, что принцип добросовестности проявляется через критерии добросовестного поведения участников договорных отношений. В частности, одним из основных критериев является учет законных интересов и разумных потребностей контрагента. «При передаче декларантом в рамках заключенного с таможенным представителем договора документов, необходимых для заполнения таможенной декларации, у исполнителя нет оснований сомневаться в их подлинности и достоверности указанных в них сведений» [17]. В этом контексте важно отметить, что преследование одной из сторон исключительно собственных интересов при игнорировании интересов контрагента в доктрине получило название договорного оппортунизма.

Существенным аспектом принципа добросовестности является и то, что его применение не отрицает существования свободы договора и реализации стороной собственных интересов. «Принцип свободы договора в сочетании с принципом добросовестного поведения участников гражданских правоотношений не исключает обязанности суда оценивать условия конкретного договора с точки зрения их разумности и справедливости» [17]. При этом судебная практика исходит из того, что условия договора не должны быть явно обременительными для заемщика с одной стороны, а с другой -

должны учитывать интересы кредитора как стороны, права которой нарушены в связи с неисполнением обязательства.

Важным критерием добросовестного поведения участников договорных отношений является осуществление субъективных гражданских прав и исполнение обязанностей с соблюдением особых условий. «Разумная заботливость проявляется также в осуществлении лицом мер, направленных на уменьшение ущерба от неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства» [17]. Данное положение особенно актуально в ситуациях, когда добросовестность поведения участников правоотношения конструируется в законодательстве без использования самого термина «добросовестность». Существует судебная практика по договору уступки права требования (цессии), где установлено, что «при добросовестном исполнении обязательства новому кредитору на должника не могут быть возложены негативные последствия спора cedenta и цессионария по поводу недействительности уступки» [17].

По нашему мнению, закрепление принципа добросовестности в гражданском законодательстве является необходимым условием для формирования стабильного гражданского оборота и защиты прав добросовестных участников гражданских правоотношений. Представляется, что дальнейшее развитие данного принципа должно идти по пути конкретизации критериев добросовестного поведения участников гражданского оборота и формирования единообразной судебной практики по вопросам применения данного принципа.

Интересным примером применения принципа добросовестности в договорных правоотношениях является спор между Западно-Балтийским территориальным управлением Федерального агентства по рыболовству и ООО «Пеламис» о расторжении договора о закреплении долей квот добычи водных биологических ресурсов. Суть спора заключалась в том, что общество в течение двух лет осуществляло вылов рыбы в объеме менее 70% от

выделенной квоты, что послужило основанием для обращения управления в суд с требованием о расторжении договора [18].

Особую значимость в данном деле приобретает оценка судами всех обстоятельств, свидетельствующих о добросовестности поведения ответчика. Суды установили, что невыполнение условий договора было вызвано объективными причинами - поломкой и ремонтом судна, на котором должен был осуществляться вылов рыбы, что подтверждалось соответствующими документами. При этом ответчик проявлял заинтересованность в сохранении договорных отношений и рабочих мест.

Принципиально важным является вывод судов о том, что расторжение договора в судебном порядке носит исключительный характер и является санкцией, применяемой к злостному нарушителю договорных обязательств, когда все другие средства воздействия исчерпаны. В рассматриваемом случае суды пришли к выводу, что действия истца, настаивающего на расторжении долгосрочного договора при наличии волеизъявления и действий ответчика на продолжение договорных отношений, нарушают баланс интересов сторон, принципы равноправия, разумности и добросовестности участников гражданско-правовых отношений.

Данное судебное решение имеет важное значение для развития доктрины добросовестности в договорных правоотношениях, поскольку демонстрирует комплексный подход судов к оценке поведения сторон договора. Суды не ограничиваются формальным установлением факта нарушения договорных обязательств, а исследуют причины такого нарушения, анализируют поведение сторон и их намерения относительно сохранения договорных отношений. Это позволяет обеспечить справедливый баланс интересов участников гражданского оборота и предотвратить необоснованное прекращение длительных договорных отношений.

На основании анализа данного судебного акта можно сделать вывод о том, что принцип добросовестности служит важным инструментом защиты стабильности договорных отношений, препятствуя их прекращению в

случаях, когда нарушение договора вызвано объективными причинами, а нарушившая сторона демонстрирует заинтересованность в сохранении договорных отношений и предпринимает для этого необходимые действия.

Проанализировав практическое применение принципа добросовестности, важно обратиться к теоретическому осмыслению данного принципа в работах современных исследователей.

С точки зрения Е.Е. Богдановой, принцип добросовестности в договорных правоотношениях представляет собой: «сложную правовую категорию отражающую систему представлений общества о нравственности поведения субъектов при приобретении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей» [4, с. 1364]. Автор подчеркивает особую значимость нравственной оценки поведения конкретного лица через призму общественного понимания.

Принципиально важным в позиции Е.Е. Богдановой является выделение критериев добросовестного поведения участников договорных отношений. «Под добросовестностью следует понимать сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаями или судебной практикой систему представлений о нравственности поведения при приобретении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей» [4, с. 1364].

Особое внимание автор уделяет проблеме баланса интересов сторон договора. По мнению Е.Е. Богдановой, «одним из ключевых критериев добросовестного поведения является учет законных интересов и разумных потребностей контрагента» [4, с. 1364]. При этом ученый подчеркивает, что применение принципа добросовестности не отрицает существования свободы договора и реализации стороной собственных интересов.

Заслуживает внимания позиция автора относительно соотношения добросовестности и вины. «Винный субъект, с точки зрения общества, всегда недобросовестный, однако недобросовестный может быть и

невиновным» [4, с. 1364]. Данный подход позволяет разграничить категории вины и добросовестности в гражданском праве.

Е.Е. Богданова обращает внимание на необходимость учета интересов контрагентов и после истечения срока договора. «Требование добросовестности является необходимым условием функционирования ряда как существующих, так и будущих гражданско-правовых институтов» [4, с. 1364]. Автор подчеркивает значимость закрепления принципа добросовестности для развития преддоговорной ответственности.

По нашему мнению, подход Е.Е. Богдановой к пониманию принципа добросовестности заслуживает поддержки, поскольку позволяет рассматривать данный принцип как универсальный регулятор поведения участников гражданского оборота, основанный на нравственных началах. Особенно важным представляется выделение автором критериев добросовестного поведения, что имеет существенное значение для правоприменительной практики.

По мнению Е.В. Ермолаевой, принцип добросовестности в договорных правоотношениях между таможенным представителем и декларантом имеет особое значение. Автор подчеркивает, что отношения таможенного представителя и его доверителя основаны на общих принципах гражданского права, одним из которых является презумпция добросовестности сторон.

С точки зрения Е.В. Ермолаевой, важным аспектом является то, что «при передаче декларантом в рамках заключенного с таможенным представителем договора документов, необходимых для заполнения таможенной декларации, у исполнителя нет оснований сомневаться в их подлинности и достоверности указанных в них сведений» [7, с. 177]. Это положение основывается на принципе добросовестности, закрепленном в ст. 10 ГК РФ.

Особое внимание автор уделяет вопросу ответственности сторон. «Ответственным за совершение правонарушения признается декларант, а таможенный представитель несет ответственность за ненадлежащее исполнение договорных обязательств перед своим клиентом» [7, с. 177]. При

этом исследователь отмечает, что в случаях, когда таможенный представитель выступает от имени физического лица, судебная практика складывается иначе.

Принципиально важным в позиции Е.В. Ермолаевой является указание на то, что «таможенный представитель в силу закона и в соответствии с целями договора, заключенного с декларантом, обязан добросовестно и профессионально выполнять свои обязательства» [7, с. 177]. Автор подчеркивает значимость профессионального статуса таможенного представителя и вытекающих из него повышенных требований к добросовестности.

Е.В. Ермолаева обращает внимание на необходимость учета совокупности обстоятельств при оценке добросовестности поведения таможенного представителя, включая наличие договорных обязательств по предварительной проверке документов и консультированию декларанта. «Игнорирование указанных обстоятельств при квалификации деяния влечет необоснованное привлечение к ответственности декларанта, который предпринял все зависящие от него меры по соблюдению таможенного законодательства» [7, с. 177].

По нашему мнению, подход Е.В. Ермолаевой к пониманию принципа добросовестности в отношениях между таможенным представителем и декларантом заслуживает поддержки. Особенно ценным представляется выделение автором критериев оценки добросовестности поведения профессионального участника таможенных правоотношений и обоснование необходимости дифференцированного подхода к определению ответственности сторон с учетом их правового статуса и характера взаимоотношений.

Исследование принципа добросовестности в договорных правоотношениях позволяет сделать вывод о его комплексном характере и фундаментальном значении для развития гражданского оборота. Данный принцип служит универсальным инструментом обеспечения баланса интересов участников договорных отношений, способствуя формированию

стабильных и предсказуемых правил взаимодействия между субъектами гражданского права. При этом особую значимость приобретает роль судебной практики в конкретизации критериев добросовестного поведения и формировании единообразных подходов к применению данного принципа.

Дальнейшее развитие принципа добросовестности видится в нескольких направлениях: во-первых, в более детальной разработке критериев оценки добросовестности поведения участников различных видов договорных отношений; во-вторых, в совершенствовании механизмов защиты прав добросовестных участников гражданского оборота; в-третьих, в развитии доктринальных подходов к пониманию соотношения принципа добросовестности с другими основополагающими принципами гражданского права, такими как свобода договора и равенство участников гражданских правоотношений.

2.2 Принцип добросовестности в вещных правоотношениях

Принцип добросовестности является одним из фундаментальных принципов гражданского права, который приобретает особое значение в контексте вещных правоотношений. Специфика применения данного принципа в вещном праве обусловлена особой природой вещных прав, их абсолютным характером и необходимостью обеспечения баланса интересов различных участников гражданского оборота. В современной доктрине и правоприменительной практике сформировались различные подходы к пониманию и применению принципа добросовестности в вещных правоотношениях, что требует их детального анализа и систематизации.

С точки зрения А.В. Кузнецова, принцип добросовестности в вещном праве обладает существенной спецификой применения, обусловленной особенностями вещно-правовых отношений. Автор подчеркивает, что в отличие от обязательственных правоотношений, вещные права

характеризуются статичностью, устойчивостью и абсолютным характером защиты.

Принципиально важным представляется позиция автора о том, что «при осуществлении субъектом вещного права существует вероятность ущемления прав и интересов иных лиц, что задает в некоторых случаях необходимость корректирования, ограничения, конкретизации реализации вещного права посредством принципа доброй совести» [14, с. 167]. Данный тезис раскрывает сущностное значение принципа добросовестности в вещном праве.

Особое внимание А.В. Кузнецов уделяет проблеме самовольного строительства, где принцип добросовестности проявляется через субъективный критерий осведомленности застройщика о наличии ограничений использования земельного участка. Автор аргументированно предлагает расширить применение данного принципа на случаи возведения объектов с выходом за границы участка при добросовестном заблуждении застройщика.

В контексте приобретательной давности А.В. Кузнецов критически оценивает существующее толкование условия добросовестности владения, отмечая, что «давностное владение является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности» [14, с. 167]. Автор полагает, что такой подход существенно ограничивает применение института приобретательной давности.

Заслуживает внимания позиция А.В. Кузнецова относительно необходимости расширительного толкования признака добросовестности давностного владения как «внешне правомерных действий». По мнению автора, такой подход позволит эффективнее применять институт приобретательной давности и соответствует современным тенденциям развития гражданского права.

В нашем научном осмыслении подхода А.В. Кузнецова к расширительной трактовке добросовестности в сфере вещного права

усматривается несомненная теоретическая состоятельность и практическая релевантность для актуальных потребностей гражданского правооборота. Особую ценность представляет выдвинутый исследователем тезис о необходимости распространения принципа добросовестности на ситуации неправомерного строительства при добросовестном заблуждении строящей стороны, что потенциально могло бы способствовать достижению баланса интересов в таких юридических конфликтах.

Углубляя концептуальные построения о специфических проявлениях принципа добросовестности в вещно-правовых отношениях, целесообразно обратиться к бинарной теоретической модели данного принципа, разработанной в научных трудах М.И. Рожковой и Г.Р. Хасяновой.

С точки зрения М.И. Рожковой и Г.Р. Хасяновой, принцип добросовестности в вещном праве может рассматриваться через призму позитивного и негативного аспектов. Позитивный подход предполагает убежденность лица в правомерности приобретения имущества, в то время как негативный связан с отсутствием знания о юридических пороках сделки.

Особый научный интерес представляет предложенный авторами комплексный подход к определению добросовестности через формулу «не знал, не мог и не должен был знать» [26, с. 208]. Такой подход обусловлен многообразием жизненных ситуаций и позволяет более объективно оценивать поведение приобретателя с учетом конкретных обстоятельств сделки.

М.И. Рожкова и Г.Р. Хасянова акцентируют внимание на том, что значимость характеристики владельца как добросовестного проявляется в судебном процессе, поскольку «признание его добросовестности в ходе судебного разбирательства и, как следствие, отказ в удовлетворении поданного в отношении него виндикационного иска является юридическим фактом, порождающим право собственности у ответчика» [26, с. 208].

Заслуживает внимания анализ авторами зарубежного опыта применения принципа добросовестности в вещном праве. В частности, отмечается различный подход к срокам приобретательной давности для добросовестных

и недобросовестных владельцев в законодательстве европейских стран, что позволяет более гибко регулировать вещные правоотношения.

Существенным представляется вывод авторов о том, что применение категории добросовестности в вещном праве имеет свои особенности в зависимости от конкретного правового института, однако общий смысл принципа «*bona fides*» остается неизменным. Это свидетельствует о универсальности данного принципа при сохранении его существенных характеристик.

По нашему мнению, позиция М.И. Рожковой и Г.Р. Хасяновой относительно комплексного подхода к определению добросовестности заслуживает поддержки, поскольку позволяет более точно и справедливо оценивать поведение участников гражданского оборота. Предложенная авторами формула «не знал, не мог и не должен был знать» представляется оптимальной для современной правоприменительной практики, так как учитывает как субъективные, так и объективные факторы при определении добросовестности владения.

Дополняя рассмотренные подходы к пониманию принципа добросовестности в вещных правоотношениях, особого внимания заслуживает функциональный анализ данного принципа, представленный в работах Н.В. Зайцевой. С точки зрения Н.В. Зайцевой, «в современной доктрине выделяются два значения добросовестности в зависимости от правового аспекта использования принципа. В объективном смысле добросовестность выступает как метод «морализаторства» договорных отношений, в то время как в субъективном смысле она направлена на защиту ошибочной веры одной договаривающейся стороны» [9, с. 499].

Особый научный интерес представляет позиция автора о том, что «при описании принципа добросовестности большинство правовых систем акцентируют внимание на определении его функций, поскольку добросовестность - это чаще всего открытая норма, содержание которой не

может быть установлено само по себе, а только в привязке к конкретным обстоятельствам дела» [9, с. 499].

Заслуживает внимания анализ Н.В. Зайцевой функций добросовестности, среди которых автор выделяет морализаторскую функцию, которая может быть разделена на завершающую (комплементарную), адаптивную и ограничительную. По мнению автора, «вместе они создают определенный поведенческий стандарт, код договорной этики» [9, с. 499].

Н.В. Зайцева подчеркивает особую роль соотношения понятий «лояльность» и «добросовестность». Автор указывает, что «обязанность лояльности представляет собой конкретную версию обязательства добросовестности, подкатегорию, которая встречается в определенных типах договоров, где существуют особенно прочные доверительные отношения между сторонами» [9, с. 499].

Существенным представляется вывод автора о том, что правовые системы разных стран по-разному определяют место принципа добросовестности. В странах континентальной системы права добросовестность имеет общеобязательный характер и широкое толкование, в то время как в странах общего права этот принцип применяется более осторожно и избирательно.

По нашему мнению, позиция Н.В. Зайцевой относительно функционального подхода к определению добросовестности заслуживает поддержки, поскольку позволяет более гибко применять данный принцип с учетом конкретных обстоятельств дела. Особенно важным представляется выделение автором поведенческого стандарта как результата взаимодействия различных функций добросовестности, что имеет существенное практическое значение для правоприменительной деятельности.

Теоретические разработки принципа добросовестности в вещном праве находят свое практическое воплощение в правовых позициях высших судебных инстанций, среди которых особое значение имеет позиция Конституционного Суда РФ.

В контексте исследования принципа добросовестности в вещных правоотношениях особый интерес представляет правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлении от 26.11.2020 № 48-П. В рассматриваемом деле гражданин В.В. Волков с 1997 года являлся членом гаражного кооператива и владел земельным участком с гаражным боксом на основании договора купли-продажи, заключенного с гражданином П., которому данный участок принадлежал на праве пожизненного наследуемого владения. При попытке признать право собственности на земельный участок в силу приобретательной давности суды отказали в удовлетворении требований, сославшись на то, что владение не может быть признано добросовестным, поскольку приобретатель не мог не знать об отсутствии у него оснований возникновения права собственности [24].

Конституционный Суд РФ, анализируя данную ситуацию, пришел к принципиально важному выводу о том, что различие критериев добросовестности применительно к приобретению имущества добросовестным приобретателем (ст. 302 ГК РФ) и давностному владению (ст. 234 ГК РФ) обусловлено их разными целями. При этом для приобретательной давности определяющее значение имеет не отдельное событие приобретения вещи, а добросовестное длительное открытое владение, когда владелец ведет себя как собственник при отсутствии возражений со стороны других лиц.

Особую значимость представляет вывод суда о том, что понимание добросовестности давностного владения, подразумевающее обязательность осознания лицом себя собственником имущества, лишает возможности легализовать владение лицу, которое длительное время заботится об имуществе, несет расходы на его содержание и не нарушает при этом прав иных лиц. Более того, суд подчеркнул, что добросовестность может быть признана и при наличии оснований для понимания владельцем отсутствия у него оснований приобретения права собственности.

Данное постановление имеет существенное значение для развития института приобретательной давности, поскольку формирует новый подход к

пониманию критерия добросовестности давностного владения. Конституционный Суд РФ фактически установил, что само по себе совершение сделки по передаче имущества, не повлекшей юридических последствий, не может служить основанием для признания давностного владения недобросовестным, если в такой сделке была выражена воля правообладателя на отчуждение имущества, а в течение периода владения собственник не проявлял намерения осуществлять власть над вещью. Это позволяет говорить о существенном расширении возможностей применения института приобретательной давности и его более эффективном использовании для стабилизации гражданского оборота.

Анализ различных научных подходов и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что принцип добросовестности в вещных правоотношениях представляет собой многоаспектное явление, требующее комплексного подхода к его пониманию и применению. Сочетание объективного и субъективного критериев добросовестности, учет функционального назначения данного принципа и его особой роли в различных институтах вещного права позволяет обеспечить наиболее эффективное регулирование имущественных отношений и защиту прав добросовестных участников гражданского оборота.

Особое значение для развития института добросовестности в вещном праве имеет правовая позиция Конституционного Суда РФ, которая существенно расширила понимание критерия добросовестности применительно к давностному владению. Такой подход способствует более справедливому разрешению споров о приобретении права собственности в силу приобретательной давности и отвечает современным потребностям гражданского оборота. При этом сохраняется необходимость дальнейшего развития теоретических положений о принципе добросовестности в вещном праве с учетом динамично меняющихся общественных отношений и потребностей правоприменительной практики.

Представим выводы по второй главе исследования. Проведенное исследование принципа добросовестности в отдельных институтах гражданского права позволяет заключить, что данный принцип играет фундаментальную роль как в договорных, так и в вещных правоотношениях, выступая универсальным регулятором поведения участников гражданского оборота. В договорных правоотношениях принцип добросовестности служит инструментом обеспечения баланса интересов сторон, препятствует необоснованному прекращению договорных отношений и способствует формированию стабильного гражданского оборота, что подтверждается как теоретическими разработками, так и актуальной судебной практикой.

В сфере вещных правоотношений принцип добросовестности приобретает особую специфику, обусловленную абсолютным характером вещных прав и необходимостью защиты интересов различных участников гражданского оборота. Существенное значение для развития доктрины добросовестности имеет позиция Конституционного Суда РФ, расширившая понимание критерия добросовестности применительно к давностному владению, что способствует более справедливому разрешению имущественных споров и отвечает современным потребностям гражданского оборота. При этом дальнейшее развитие принципа добросовестности должно осуществляться в направлении конкретизации критериев добросовестного поведения участников различных видов правоотношений и совершенствования механизмов защиты прав добросовестных участников гражданского оборота.

Глава 3 Проблемы применения принципа добросовестности в судебной практике

Исследование проблем применения принципа добросовестности в судебной практике представляет особую актуальность в контексте развития современного гражданского права России. Анализ правоприменительной практики позволяет выявить ключевые тенденции и проблемные аспекты использования данного принципа судами, определить степень его эффективности как инструмента регулирования гражданско-правовых отношений и наметить пути совершенствования механизмов его применения. Комплексное изучение различных научных позиций и материалов судебной практики позволяет сформировать целостное представление о современном состоянии реализации принципа добросовестности в российском правовом порядке.

С точки зрения А.Е. Козиной, одной из ключевых проблем применения принципа добросовестности в судебной практике является формальный подход судов к его использованию. Автор отмечает, что «суды склонны формально ссылаться на п. 3 ст. 307 ГК РФ, не раскрывая специфики воплощения его положений для конкретных правоотношений» [12, с. 189]. Исследователь подчеркивает системную проблему современной правоприменительной практики - использование судами предписаний п. 3 ст. 307 ГК РФ не только наряду со специальными нормами, но и вместо них.

Принципиально важным в работе А.Е. Козиной является анализ судебной практики в части применения принципа добросовестности при приостановлении исполнения обязательств. Автор указывает на две ключевые проблемы: «суды неверно определяют встречное обязательство, в частности путают его с кредиторской обязанностью по ст. 406 ГК РФ» и «суды распространяют информационную обязанность на ситуации, в которых она не должна быть вменена» [12, с. 189].

Особое внимание А.Е. Козина уделяет вопросу соотношения п. 3 ст. 307 и ст. 718 ГК РФ. По мнению автора, «судам следует воспринимать нормы п. 3 ст. 307 ГК РФ в качестве подразумеваемых во всех обязательственных правоотношениях независимо от существования специального регулирования» [12, с. 189]. Это позволит более эффективно оценивать поведение сторон и не даст недобросовестному контрагенту возможности злоупотреблять правом.

А.Е. Козина отмечает позитивную тенденцию применения принципа добросовестности в постдоговорных отношениях. Как подчеркивает автор, «благодаря существованию принципа добросовестности и выводимых из него поведенческих обязанностей суды уходят от формального применения гражданско-правовых норм, анализируют сложившееся между сторонами правоотношение во всем его многообразии» [12, с. 189].

По нашему мнению, позиция А.Е. Козиной относительно проблем применения принципа добросовестности представляется глубоко обоснованной и актуальной. Особенно важным видится вывод автора о необходимости отхода от формального применения данного принципа и более тщательного анализа судами конкретных правоотношений. Однако требует дополнительного исследования вопрос выработки единообразных критериев добросовестности для различных категорий дел при сохранении гибкости правоприменения.

Наряду с формально-юридическими аспектами применения принципа добросовестности, существенное значение имеет исследование его исторических корней и многоаспектной природы в современном праве.

С точки зрения В.М. Жуйкова и С.С. Завриева, проблематика применения принципа добросовестности в судебной практике раскрывается через несколько ключевых аспектов.

По мнению авторов, принцип добросовестности имеет глубокие исторические корни, уходящие в римское право, где *bona fides* означал «добрые услуги» и «добросовестность». «Несложно определить, что

этимология слова «добросовестный» означает «добрая совесть», «добрый нрав», что предполагает надлежащее пользование, реализацию права без разрушительного и негативного влияния в нашем случае на судопроизводство» [8, с. 259].

Авторы подчеркивают, что в процессуальном законодательстве добросовестность проявляется в трех значениях: как принцип права, как правовая презумпция и как элемент предмета доказывания. При этом «практически добросовестность это и есть ожидаемое поведение от любого субъекта всех отраслей права» [8, с. 259].

Особое внимание В.М. Жуйков и С.С. Завриев уделяют признакам нарушения принципа добросовестности. «Сегодня недобросовестность и злоупотребление правом довольно распространенные явления» [8, с. 259]. Авторы отмечают, что наиболее частым проявлением недобросовестности выступает злоупотребление правом в широком смысле.

В.М. Жуйков и С.С. Завриев подчеркивают значимость презумпции добросовестности в процессуальном праве. «Презумпция добросовестности - одна из наиболее старых презумпций, известных еще римскому праву: каждый предполагается честным, пока не доказано обратное» [8, с. 259].

Авторы приходят к выводу, что «все отрасли права формируются исходя из презумпции добросовестности участников правоотношений» [8, с. 259], поскольку нормы права рассчитаны на абстрактную ситуацию законопослушного поведения субъектов.

По нашему мнению, позиция авторов относительно многоаспектности принципа добросовестности в процессуальном праве представляется обоснованной. Особенно важным является акцент на том, что добросовестность выступает не только как принцип права, но и как презумпция и элемент предмета доказывания, что позволяет более эффективно обеспечивать защиту прав участников судебного процесса.

Теоретические положения о принципе добросовестности находят свое практическое воплощение в конкретных судебных делах, анализ которых

позволяет выявить особенности его применения в различных правовых ситуациях.

В контексте исследования проблем применения принципа добросовестности в судебной практике особый интерес представляет дело по иску ООО «Консул» к Фатееву С.В. о взыскании убытков и упущенной выгоды. Суть спора заключалась в том, что участник общества требовал взыскать убытки с единоличного исполнительного органа за неистребование дебиторской задолженности с контрагента по договору купли-продажи земельного участка [19].

Принципиальное значение в данном деле имеет оценка судом действий руководителя через призму принципа добросовестности. Суд апелляционной инстанции, исследовав обстоятельства дела, установил, что обе компании (продавец и покупатель) являются аффилированными лицами с одинаковой структурой участников, а сделка купли-продажи земельного участка была частью общего бизнес-плана по реализации строительного проекта через создание дочерней компании, что было согласовано всеми участниками общества.

Суд пришел к выводу, что действия директора, даже при наличии просрочки оплаты по договору, соответствовали принципам разумности и добросовестности, поскольку были направлены на достижение главной цели хозяйственных обществ - получение максимальных финансовых показателей. Возникшие негативные последствия были квалифицированы как проявление обычного предпринимательского риска, а не как результат недобросовестных действий руководителя.

Данное дело демонстрирует комплексный подход судов к оценке добросовестности действий единоличного исполнительного органа: во-первых, анализируется экономическая целесообразность и обоснованность принятых решений; во-вторых, учитывается согласованность действий с участниками общества; в-третьих, оценивается общий контекст предпринимательской деятельности и её риски. Такой подход позволяет

избежать формального применения принципа добросовестности и обеспечивает баланс интересов всех участников корпоративных отношений.

Суды выражают аналогичную позицию в спорах о недействительности сделок, подчеркивая, что принцип добросовестности предполагает презумпцию добросовестного поведения приобретателя имущества, пока не доказано обратное, и отсутствие доказательств осведомленности о пороках сделки влечет отказ в иске для защиты стабильности гражданского оборота [22]. Аналогичная взвешенная позиция проявляется и в банкротных спорах, где принцип добросовестности выступает ключевым критерием для оценки поведения кредиторов и должников. Например, в деле о взыскании убытков в рамках процедуры банкротства суды тщательно исследовали, соответствовало ли поведение стороны требованиям ст. 10 ГК РФ, учитывая не только формальные нарушения, но и объективные обстоятельства экономической деятельности. Верховный Суд, оставляя в силе решения нижестоящих инстанций, подчеркнул, что недобросовестность не может предполагаться априори – бремя доказывания лежит на истце, а отсутствие убедительных фактов о злоупотреблении правом влечет отказ в иске, тем самым подчеркивая роль принципа в предотвращении необоснованных претензий и поддержании доверия в гражданском обороте [21].

Представляется, что сформированная в данных делах правовая позиция имеет важное значение для развития практики применения принципа добросовестности в корпоративных спорах, поскольку устанавливает критерии оценки действий руководителя через призму общей экономической логики предпринимательской деятельности, а не только через формальное соблюдение сроков исполнения обязательств.

Практика применения принципа добросовестности в корпоративных спорах дополняется значимыми прецедентами в области процессуального права, где особую важность приобретает вопрос о границах применения данного принципа.

В контексте исследования проблем применения принципа добросовестности в судебной практике показательным является дело по иску администрации Кировского района г. Волгограда о сносе самовольной постройки, где нижестоящие суды необоснованно применили принцип добросовестности при распределении судебных расходов. После отказа в удовлетворении требований администрации ответчики обратились за возмещением судебных расходов на представителя, однако суды трех инстанций отказали в их взыскании, мотивируя это тем, что действия администрации были направлены на соблюдение законодательства, а отсутствие установленных судом нарушений со стороны истца не позволяет возложить на него расходы в соответствии с принципом добросовестности [20].

Принципиально важной является позиция Верховного Суда РФ, который указал на неправомерность такого подхода. Суд разъяснил, что правила распределения судебных расходов являются процессуальными нормами, которые не могут быть ограничены или изменены путем применения принципа добросовестности. По общему правилу, предусмотренному ч. 1 ст. 98 ГПК РФ, судебные расходы возмещаются стороне, в пользу которой состоялось решение суда, независимо от мотивов и добросовестности обращения проигравшей стороны в суд.

Данное дело демонстрирует типичную ошибку судов, когда материально-правовой принцип добросовестности неоправданно распространяется на процессуальные отношения, имеющие свое специальное регулирование. Верховный Суд РФ подчеркнул, что суждения нижестоящих судов о соблюдении баланса интересов сторон через призму добросовестности противоречат установленным процессуальным законодательством правилам распределения судебных расходов.

Правовая позиция Верховного Суда РФ имеет важное значение для формирования единообразной практики применения принципа добросовестности, поскольку устанавливает четкие границы его действия. Во-

первых, принцип добросовестности не может подменять специальные процессуальные нормы; во-вторых, само по себе добросовестное поведение проигравшей стороны не является основанием для освобождения ее от возмещения судебных расходов; в-третьих, при распределении судебных расходов определяющее значение имеет процессуальный результат дела, а не материально-правовая оценка поведения сторон.

Данное решение Верховного Суда РФ способствует повышению правовой определенности в вопросах применения принципа добросовестности и предотвращает его необоснованное расширительное толкование. Это особенно важно для обеспечения баланса между материальным и процессуальным правом, а также для защиты процессуальных гарантий участников судебного разбирательства.

Межотраслевой характер принципа добросовестности проявляется не только в материальном, но и в процессуальном праве, что находит отражение в его применении к различным видам правоотношений, в том числе жилищных. С точки зрения В.С. Карягиной, принцип добросовестности приобретает межотраслевое значение и активно используется судами при оценке поведения субъектов жилищных правоотношений. Автор подчеркивает, что «практическая значимость данного принципа права состоит в способности выступать критерием надлежащей и ненадлежащей реализации прав и исполнения обязанностей участниками жилищных правоотношений» [11, с. 93].

По мнению В.С. Карягиной, категория добросовестности в вещных правоотношениях, объектом которых выступают жилые помещения, используется преимущественно в значении предела осуществления жилищных прав. Исследователь особо отмечает, что «фактором, влияющим на оценку добросовестности приобретателя, является его осведомленность о наличии спора по поводу имущества» [11, с. 93].

Анализируя обязательственные правоотношения, В.С. Карягина приходит к выводу, что «содержание и значение категории добросовестность

варьируется в зависимости от конкретного вида обязательственного правоотношения» [11, с. 93]. Принципиально важным представляется вывод автора о том, что «категория добросовестность выполняет функцию предела (ограничения), которая заключается в установлении определенной границы осуществления права собственности» [11, с. 93].

В корпоративных правоотношениях, как указывает В.С. Карягина, категория «добросовестность» выступает преимущественно критерием оценки деятельности лиц, выступающих от имени организации. Автор подчеркивает, что «необходимость оценивания добросовестности действий руководителя и других органов управления организации возникает в ситуациях оспаривания совершенных им сделок или решений органов управления» [11, с. 93].

На наш взгляд, позиция В.С. Карягиной относительно необходимости законодательного закрепления принципа добросовестности в жилищном праве представляется обоснованной и актуальной. Особенно важным видится предложение автора о необходимости закрепления правил о добросовестности в большинстве институтов жилищного права, поскольку это позволит повысить эффективность правового регулирования жилищных отношений и обеспечит более гарантированную защиту прав их участников. Несомненным достоинством работы является комплексный анализ категории добросовестности применительно к различным видам жилищных правоотношений.

В контексте расширения сферы применения принципа добросовестности особую актуальность приобретает исследование роли судебной практики в определении его содержания и критериев. С точки зрения И.Е. Михеевой, «одной из ключевых тенденций в современном развитии частного права становится возрастание роли судебной практики при определении содержания принципов права» [15, с. 162]. Автор подчеркивает, что «принцип добросовестности является оценочным понятием, его применение судами требует конкретизации и уточнения критериев

добросовестного поведения субъектов права при разрешении каждого конкретного дела, что предопределяет расширение судебного усмотрения» [15, с. 162].

Особое внимание И.Е. Михеева уделяет анализу правотворческой роли судов при применении принципа добросовестности. Исследователь отмечает, что «суды формируют правила, в ряде случаев отличные от правил, установленных нормами права, после чего осуществляется широкое применение их как норм права» [15, с. 162]. Это свидетельствует о фактически сформированной правотворческой роли судов, что ранее не было характерно для российской правовой системы. Принципиально важным представляется вывод автора о том, что применение принципа добросовестности как нормы права проявляется в случаях его противоречия с нормой права. И.Е. Михеева указывает: «широкое применение принципа добросовестности в судебной практике свидетельствует в том числе о возможной несогласованности принципов и норм права в российском гражданском законодательстве» [15, с. 162].

На наш взгляд, позиция И.Е. Михеевой о необходимости переосмысления роли судов и функций принципов гражданского права представляется глубоко обоснованной. Особенно важным видится выделение автором проблемы отсутствия законодательно закрепленных критериев добросовестности, что действительно создает почву для расширения судебного усмотрения. Вместе с тем, требует дополнительного исследования вопрос о пределах судебного усмотрения при применении принципа добросовестности, чтобы избежать риска судебного произвола.

Проведенный анализ научных позиций и материалов судебной практики позволяет сделать вывод о том, что принцип добросовестности переживает этап активного развития в российском правовом порядке, характеризующийся расширением сферы его применения и усложнением механизмов реализации. Основными проблемами в данной области являются: формальный подход судов к применению принципа, отсутствие единообразных критериев оценки

добросовестности, сложности в определении границ судебного усмотрения, а также необходимость более четкого разграничения сферы действия принципа в материальном и процессуальном праве. Особую значимость приобретает вопрос о правотворческой роли судов при применении принципа добросовестности, что требует дополнительного теоретического осмысления и практической регламентации.

Перспективы развития принципа добросовестности в российском праве связаны с необходимостью выработки более четких критериев его применения при сохранении необходимой гибкости правового регулирования, совершенствования механизмов судебного контроля за соблюдением данного принципа, а также развития его межотраслевого характера. Важным направлением является также гармонизация практики применения принципа добросовестности в различных сферах правового регулирования при сохранении баланса между определенностью правовых норм и возможностью учета специфики конкретных правоотношений.

Заключение

На основе проведенного теоретико-правового анализа принципа добросовестности в гражданском праве можно сделать следующие концептуальные выводы.

Принцип добросовестности представляет собой многоаспектное правовое явление, одновременно выступающее как основополагающее начало гражданского законодательства, морально-нравственный императив, критерий оценки поведения участников правоотношений и инструмент преодоления пробелов в праве. Правовое регулирование принципа включает нормативное закрепление в статье 1 ГК РФ, детальные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 и глубокую научную проработку. Обоснована позиция о нецелесообразности законодательного закрепления исчерпывающего определения добросовестности ввиду оценочного характера данной категории.

В договорных правоотношениях принцип добросовестности обеспечивает баланс интересов сторон и стабильность гражданского оборота. Анализ дел показал, что суды применяют комплексный подход, оценивая не только формальное нарушение обязательств, но и экономическую целесообразность действий, наличие объективных причин нарушения и волю сторон на сохранение правоотношений. В вещных правоотношениях принцип приобретает специфику, обусловленную абсолютным характером вещных прав. Конституционный Суд РФ расширил понимание добросовестности давностного владения, установив, что само по себе совершение сделки, не повлекшей юридических последствий, не свидетельствует о недобросовестности.

Проведенный анализ научных позиций и материалов судебной практики позволяет сделать вывод о том, что принцип добросовестности переживает этап активного развития в российском правовом порядке, характеризующийся расширением сферы его применения и усложнением механизмов реализации.

Основными проблемами в данной области являются:

- формальный подход судов к применению принципа;
- отсутствие единообразных критериев оценки добросовестности;
- сложности в определении границ судебного усмотрения;
- необходимость более четкого разграничения сферы действия принципа в материальном и процессуальном праве.

Особую значимость приобретает вопрос о правотворческой роли судов при применении принципа добросовестности, что требует дополнительного теоретического осмысления и практической регламентации.

Совершенствование практики применения принципа добросовестности требует системных мер по преодолению выявленных проблем правоприменения. Первоочередной задачей является расширение разъяснительной практики Пленума Верховного Суда Российской Федерации путем принятия дополнительных постановлений и разработки методических рекомендаций для судов. Эти документы должны содержать конкретные критерии оценки добросовестности применительно к отдельным категориям споров и примеры добросовестного и недобросовестного поведения в различных правовых ситуациях.

Необходимо детализировать критерии добросовестности давностного владения с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, определить границы применения принципа при оценке действий руководителей хозяйственных обществ в корпоративных спорах, установить четкие параметры разграничения добросовестного заблуждения и недобросовестного поведения в институте самовольного строительства.

Для преодоления формального подхода судов целесообразно закрепить в разъяснениях Пленума обязанность мотивировать выводы о добросовестности или недобросовестности поведения участников правоотношений с указанием конкретных обстоятельств дела, а не ограничиваться общими ссылками на статьи 1 и 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. Необходимо создать систему процедурных гарантий,

требующих от судов мотивированного обоснования применения принципа, что позволит ограничить пределы судебного усмотрения и обеспечить правовую определенность.

Особое внимание должно быть уделено четкому разграничению сферы действия принципа добросовестности в материальном и процессуальном праве. Анализ судебной практики выявил случаи необоснованного применения материально-правового принципа к процессуальным отношениям, что противоречит природе процессуальных норм. Необходимо исключить возможность подмены специальных процессуальных норм материально-правовым принципом добросовестности, что обеспечит стабильность процессуальных гарантий.

Преддоговорная ответственность, закрепленная в статье 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, нуждается в дальнейшей конкретизации через судебную практику с определением состава недобросовестных действий на стадии переговоров и критериев доказывания причинной связи между такими действиями и убытками добросовестной стороны.

Актуальным представляется законодательное закрепление принципа добросовестности в специальных отраслях права. Особенно важным является включение соответствующих норм в жилищное законодательство, что позволит более эффективно регулировать жилищные отношения и обеспечить дополнительные гарантии защиты прав их участников. Развитие межотраслевого характера принципа предполагает формирование специальных критериев его применения в жилищных, корпоративных и семейных правоотношениях с учетом специфики соответствующих отраслей права и необходимости усиленной защиты прав слабой стороны.

Целесообразным является развитие института судебного прецедента в части применения принципа добросовестности. Формирование базы типовых решений по различным категориям дел позволит обеспечить единообразие судебной практики и создать предсказуемую систему критериев оценки

добросовестности. Важным направлением является создание специализированной системы повышения квалификации судей в области применения принципа, что позволит повысить профессиональный уровень правоприменения.

Принцип добросовестности переживает период активного развития в российском правовом порядке, что характеризуется расширением сферы его применения и усложнением механизмов реализации. Выявленные проблемы носят системный характер и требуют комплексного подхода к их решению, включающего как совершенствование законодательства, так и повышение качества правоприменительной практики. Предложенные решения направлены на обеспечение баланса между гибкостью правового регулирования и правовой определенностью, между универсальностью принципа и учетом особенностей конкретных правоотношений, что является ключевым условием эффективного функционирования принципа добросовестности в современном российском праве при минимизации рисков правовой неопределенности.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абросимов А.В. К вопросу о критериях разумности и добросовестности в российском гражданском праве // Гражданское право. 2023. № 4. С. 26 - 28.
2. Абросимов А.В. Особенности применения принципа добросовестности в российском гражданском праве // Адвокатская практика. 2024. № 2. С. 2-7.
3. Амирова Е.Х., Ворон-Ковальский Г.О. Принцип добросовестности в Гражданском праве России: история и современность // Проблемы обеспечения верховенства закона: история и современность (Хвостовские чтения): Сборник научных трудов по итогам IV Международной научно-практической конференции, Липецк, 26–27 сентября 2024 года. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 99-104.
4. Богданова Е.Е. Принцип добросовестности в договорных отношениях в российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. №7. С. 1363-1368.
5. Возкаев С-У.С-А., Абдулкадырова М.А. Принцип добросовестности в гражданском праве России: теоретические основы и практическая реализация // Государство, общество, личность: история и современность : Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 25–26 апреля 2025 года. Пенза: Пензенский государственный университет, 2025. С. 102-105.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. СПС «КонсультантПлюс».
7. Ермолаева Е.В. Таможенный представитель как субъект административного правонарушения по статье 16.3 Кодекса Российской

Федерации об административных правонарушениях // Вестник Российской таможенной академии. 2023. № 3. С. 172 - 179.

8. Жуйков В.М., Завриев С.С. Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / Н.В. Алексеева, С.Т. Багыллы, А.В. Белякова и другие.; отв. ред. В.М. Жуйков, С.С. Завриев. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2024. 416 с.

9. Зайцева Н.В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 476 - 501.

10. Закабуня Ф.Р. Понятие принципа добросовестности в российском гражданском праве // Юридическая наука. 2023. №9. С. 108-112.

11. Карягина В.С. Принцип добросовестности в жилищном праве: вопросы теории и судебной практики // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №7. С. 86-95.

12. Козина А.Е. Анализ практики применения п. 3 ст. 307 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 173 - 191.

13. Комиссарова Е.Г., Кузнецова О.А. Требования добросовестности, разумности и справедливости как гражданско-правовые аксиомы // *Ex jure*. 2023. №3. С. 84-96.

14. Кузнецов А.В. Особенности реализации принципа добросовестности в вещном праве // Юридическая наука. 2022. №12. С. 165-168.

15. Михеева И. Е. Судебное усмотрение при применении судами принципа добросовестности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №11 (75). С. 158-165.

16. Ножина Ю.А., Захарова Г.С. Добросовестность в российском гражданском праве: проблемы и перспективы законодательного регулирования // Вестник науки. 2022. №12 (57). С. 209-215.

17. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ Российской Федерации № 1 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

18. Определение Верховного Суда РФ от 03.04.2023 № 307-ЭС23-2343 по делу № А21-1632/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение Верховного Суда РФ от 14.10.2024 № 310-ЭС24-16924 по делу № А09-7557/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ Российской Федерации от 30.01.2024 № 16-КГ23-73-К4 (УИД 34RS0003-01-2019-001372-66) // СПС «КонсультантПлюс».

21. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.01.2024 № 306-ЭС23-27534 по делу № А65-11003/2022 (УИД 16RS0005-01-2022-001234-56) // СПС «КонсультантПлюс».

22. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.03.2024 № 305-ЭС23-28547 по делу № А40-28709/2023 (УИД 77RS0010-01-2023-003456-78) // СПС «КонсультантПлюс».

23. Плехова Ю.О., Шонгин М.А. Понятие, содержание и реализация принципа добросовестности в гражданском праве // Право и практика. 2023. №1. С. 63-67.

24. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П // СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

26. Рожкова М.И., Хасянова Г.Р. Критерий добросовестности в вещном праве России // Образование и право. 2014. №9-10. С.204-209.

27. Сидорович Д.М. Субъективный и объективный смыслы принципа добросовестности в российском гражданском праве: проблемы теории и практики // Человек. Социум. Общество. 2024. № S9. С. 239-251.

28. Сидорук Н.В., Рышкова Е.В. Взаимодействие принципа добросовестности с системой принципов российского гражданского права // Аллея науки. 2024. Т. 1, № 5(92). С. 73-84.